

РЕЙС

Человек пришел вечером, когда на улице было темно, лил дождь, а Пашка Логинов — шофер городского автотранспортного предприятия, заложив руки за голову, лежал на кровати, смотрел на свисающую с потолка серую нитку паутины, тоскливо и безнадежно прикидывая, у кого бы занять денег — хотя бы десятку, потому что до конца командировки оставалось еще полных две недели, а в кармане — последний трояк, на который, перебиваясь с хлеба на воду, забыв о куреве, с трудом можно было протянуть неделю, но уж никак не больше.

Человек негромко, но настойчиво постучал в дверь, дождался ответного «Да! Войдите!», переступил порог, снял с головы черную широкополую шляпу и тихо сказал:

— Добрый вечер.

Пашка приподнял голову, посмотрел на него, неторопливо опустил ноги на пол и уронил:

— Здравствуйте.

Человек был стар. Редкие седые волосы, темное продолговатое лицо, изрезанное частыми глубокими морщинами, честно говорили об этом. На нем был болоньевый плащ, правый рукав которого был засунут в карман, и заляпанные грязью яловые сапоги. Дышал он часто и тяжело, словно после долгого, изнурительного бега.

— Прошу вас, присаживайтесь,— Пашка показал рукой на стоящий рядом с кроватью табурет.

— Благодарю вас,— человек устало опустился на табурет, положил шляпу на колени, провел ладонью по мокрому лицу, болезненно улыбнулся: — Извините... Отдышусь малость...

В комнате было тепло. Висящая под потолком электрическая лампочка щедро дарила свет.

— Вроде отошло,— немного погодя сказал человек и облегченно, но осторожно вздохнул. Помолчав, спросил: — Это ваша машина стоит у общежития?

— Моя,— настороженно отозвался Пашка, доставая из кармана сигареты.— А в чем, собственно, дело?

— Вы бы не смогли 'отвезти меня в город?

Это было сказано так легко и просто, словно ехать надо было не за шестьдесят километров, а за полета метров.

— Куда-а?! — удивленно протянул Пашка, думая, что ослышался.

— В город,— повторил человек.

Пашка посмотрел в сторону окна, за которым добросовестно лил дождь, на человека, хмыкнул и закурил.

— Мне очень надо,— негромко заговорил человек, глядя куда-то в угол.— Очень... Я хотел на рейсовом, да не успел, телеграмму принесли слишком поздно. А на попутку, сами знаете, надежды мало, да еще в такую погоду.

Пашка потер подбородок, посмотрел на стол, где стояла опорожненная банка кабачковой икры и лежал кусок хлеба, вспомнил про две недели командировки, вздохнул.

— Я вам уплачу,— проговорил человек.— Сколько скажете. Деньги у меня есть.

— В город-то зачем?—Пашка взглянул на него.

— Друга встретить надо. С войны не виделись. Воевали мы вместе.

Пашка посмотрел на пустой рукав плаща и торопливо отвел глаза.

— Отвезете? — спросил человек и надсадно закашлялся, прижимая ладонь ко рту. Лицо его покраснело, на шее вздулись вены.

— Подумать надо,— буркнул Пашка.— До города не близко, а дорога...— он не договорил, махнул рукой.

— Дорога плохая,— согласился человек, вытирая платком губы,— но все же дорога.

Пашка встал и 'открыл окно. В лицо пахнуло влажной прохладой. Шум дождя стал громче. Ветер затеребил занавески. Серовато-желтая полоса света легла на мокрую землю, лужи, кусты. В темноте, где-то рядом, жалобно мяукнула кошка.

— Ладно,— сказал он, закрыл окно и, по молчав, как бы успокаивая себя, добавил:— Но предупреждаю, если что...

—• Мы проедем.

В голосе человека было столько уверенности, что Пашка невольно улыбнулся:

— Ваши бы слова да богу в уши,— и, доставая из-под кровати сапоги, спросил:— Вам во сколько в город-то надо?

— К одиннадцати вечера,— торопливо сказал человек.— Поезд в это время прибывает.

Когда вышли на улицу, дождь с ветром психовали не на шутку. До непроглядно черного неба, казалось, можно было дотронуться рукой. Огни поселка были редки, и на улице, скудно освещенной фонарями, ни одного человека.

— Ну и погодка,— пробормотал Пашка, зябко передергивая плечами и укрываясь воротником куртки от летящих в лицо пригоршней дождя.— В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выпустит, а мы...— и, высоко вскидывая длинные ноги, прямо по лужам зашагал к машине. Человек пошел следом, чуть согнувшись, придерживая рукой шляпу.

Двигатель завелся с пол-оборота, словно давно и нетерпеливо ждал.

— Сколько я вам буду должен? — спросил человек, когда машина тронулась с места. — Вы не стесняйтесь.

Если случилось брать попутчиков, Пашка никогда не назначал цену — сколько дадут, и ладно, но одно дело подвезти километров двадцати по хорошей дороге, а тут...

— Дорога скажет, — буркнул он. — Хорошо доедем, без приключений — одна цена, ну, а если...

— Я вас понял, — перебил человек. — Спасибо.

— «Спасибо», — пробурчал Пашка. — Сначала до города добраться надо, а уж потом спасибо.

— Доберемся, — спокойно проговорил пассажир, глядя прямо перед собой.

— Уверенный вы человек, — сказал Пашка и с треском переключил скорость. — Вот когда доедем...

— Без уверенности нельзя, — ответил тот.

— Ну-ну, — Пашка усмехнулся. — Это мы еще в школе проходили.

Две плотные темные стены леса, дышащие шумно и тяжело, встали по обеим сторонам дороги, когда выехали из поселка.

Пашка включил «дворники». Они замотались из стороны в сторону, с трудом успевая смахивать воду. Затем включил фары. Два ярких столба света ткнулись в дорогу и, подвластные ее характеру, покорно затыкались то в глубокие, наполненные дождем колеи, то в мокрые, взъерошенные кусты, то в километровый столб, то в небо.

— Ну и дорожка, — процедил Пашка, когда машину снова изрядно трянуло. — Не дорога, а гроб с музыкой. По ней лишь на тракторах да танках ездить.

— Бывало хуже, — сказал человек, на ощупь отыскивая на полке упавшую с головы шляпу, но не отводя глаз от ветрового стекла.

— Это где же? — Пашка искоса взглянул на него;

— На фронте.

Пашка присвистнул:

— Вспомнили. Война, она когда была. За это время можно было все дороги в порядок привести.

— Страна большая.

— Это верно, — охотно согласился Пашка. — Громадина! Сдуреть можно, как представишь.

Человек чуть заметно улыбнулся.

Какое-то время ехали молча. Двигатель на одной рабочей ноте упрямо тянул от одного километрового столба к другому. По кабине, ветровому стеклу, капоту колошматил дождь.

«Сколько мне с него содрать? — думал Пашка, не отрывая глаз от ползущей под колеса неприветливой черной дороги. — Червонец? Маловато. Дорога ни к черту. Впереди ночь, а мне завтра на работу. Тридцать? Многовато... Но, в конце-то концов, в город ему надо, а не мне, да и деньги у него есть — сам сказал».

Пашка посмотрел на человека. Тот сидел прижавшись спиной к спинке сиденья, полузакрыв глаза.

— А почему вы пришли именно ко мне? — спросил он, когда очередной поворот остался позади. — Других машин в поселке нет, что ли?

— Машины есть, да механик куда-то уехал, а без путевок не соглашаются. А вас я знаю. Вернее, видел. Вы в нашу деревню грунт возите на отсыпку дороги. Моя изба крайняя...

До деревни, куда Пашка возил грунт, было пять с лишним километров адской дороги. В сухую погоду она была как камень и даже небольшой бугорок чувствовался на дороге, а в дождливую... лучше не вспоминать.

— И вы-ы от-туда пешком?! — недоверчи во протянул Пашка.

— Пешком.

Пашка отчетливо представил, как человек, с трудом вытаскивая ноги из вязкой грязи, в темноте и под дождем один идет среди леса.

— Досталось вам.

— Досталось. Это точно. Но ничего.

— А если б случилось что?

Человек усмехнулся:

— Если б...

Пашка опустил стекло, высунул руку. Дождь плотными кулачками забарабанил по ладони, наполняя ее прохладой.

Дороге, казалось, не будет конца: поворот, прямая, подъем, спуск, снова прямая, и по обеим сторонам лес, лес, лес.

Человек поднес часы вплотную к ветровому стеклу и в отсвете фар с трудом разглядел стрелки:

— Сколько натикало? — спросил Пашка.

— Сорок минут десятого... Успеем? — обеспокоенно спросил человек.

— Успеем, — отмахнулся Пашка. — Считай те, что больше половины одолели.

— Дай ты бог, — выдохнул человек.

Пашка хохотнул:

— Нам бог не попутчик. Мы и сами с усами! Нас сто тридцать лошадей везут.

Человек промолчал.

— А вы в каком роде войск воевали? — спросил Пашка.

— В пехоте.

— А страшно было там, на войне?

— Страшно.

Пашка удивленно хмыкнул, сказал:

— А вот к нам в школу, это когда я еще учился, фронтовик приходил. Так он сказал, что только в первые дни войны было страшно, а потом страх осилили.

— Страх можно преодолеть, но не осилить, — сухо сказал человек. — Он вам неправду сказал... А может, просто не подумал.

— Убивали?

— Да, — жестко обронил человек. — Убивали. Их нельзя было не убивать. Они не люди были. Зверье.

Пашка хотел спросить, где он потерял руку, но человек опередил, попросил устало:

— Не надо больше о войне, парень. Я и так ею по самые края наполнен... — а немного погодя спросил: — У тебя родители есть?

— Конечно. Не от святого же духа я родился, — Пашка пожал плечами. — У каждого человека есть родители.

— Счастливый ты... — глухо заговорил человек. — А мне довелось видеть мальчонку, который плакал, стоя рядом с убитыми отцом и матерью. Это там, в Белоруссии... Маленький такой мальчонка... чумазый... вихрастый, — голос у него дрогнул. — Он мне долго снился. Что с ним сейчас? Жив ли? Береги родителей, парень. Себя для них береги, а их — для себя.

— Я берегу, — пробормотал Пашка, — Чего там...

— А друг есть?

— Есть.

— Тогда у тебя все в порядке. Тогда ты счастливый. Я рад за тебя, — произнес человек и улыбнулся.

Впереди показались огни, затушеванные дождем. Они стояли недалеко друг от друга, словно боясь остаться в одиночестве.

— Уже недалеко, — облегченно выдохнул человек. — От этой деревни километров десять будет, да и дорога там асфальтированная. А время десять.

— Успеем, — уверенно сказал Пашка. —

Самое трудное одолели.

«Сели», не доехав до огней немногим меньше километра. Зад машины скособочился сначала на одну сторону, затем на другую и резко осел. Свет фар уперся в небо.

Пашка чертыхнулся, выключил скорость и выпрыгнул из кабины. Грязь под ногами жадно чавкала. Ветер, пропитанный дождем, залезал за отворот куртки, в рукава, прижимался к телу. Пашка поежился, присев на корточки, заглянул под машину и выругался так, как это умеют делать шофера в таких случаях. Прислушался. Где-то рядом, прячась за темнотой, и дождем, тягуче и неприветливо шумел лес.

— И осталось-то совсем ничего, — зло проговорил Пашка, саданув ногой по скату. Посмотрел в сторону деревни, пробормотал: — Сходить за трактором? Пока дотопаешь, пока тракториста найдешь, пока... — сплюнули растерянно оглянулись.

Хлопнула дверца. Раздались туго чавкающие шаги.

— Крепко сели? — спокойно спросил человек, подойдя.

— Да уж крепче некуда, — раздраженно отозвался Пашка, поднимая ворот куртки. — Ладно б, хоть поближе к деревне, а то...

— Не бойсь, парень! Двое — не один. Не из таких передрыг случалось выбираться, да еще где — в поле, а тут лес рядом. А лес — он мужик свой. Он всегда поможет.

— А толку? — Пашка выругался. — Темень — хоть глаз выколи, дождь, ветер... Чтоб ему!

Не скули! — резко сказал человек. — Среди мужиков это не принято.

Резкий порыв ветра вырвал рукав из кармана плаща, яростно рванул, словно стараясь оторвать.

Пашка вздохнул, тоскливо посмотрел в сторону деревни. Человек деловито записал рукав в карман, хлопнул Пашку по плечу, весело сказал:

— А ты хвастался, что сто тридцать сил нас везут. Вот тебе и сто тридцать! — И озабоченно: — В общем, давай сделаем так: на таскаем из лесу еловых лап, еще чего. Подложим под колеса, а там видно будет. Одним словом, как бы там ни было, а прорвемся. Пошли! — и зашагал к бровке.

— Чего уж там, — пробормотал Пашка, шагая следом. — Я сам.

— Я тоже подсоблю, — сказал человек, необорачиваясь. — Одна рука — это тоже рука. Лес встретил неприветливо. Огромный и мрачный, он тяжело раскачивался, словно собираясь в дальнюю дорогу. Высоко над головой, кажется, что в самом небе, шумели вершины.

Тщетно пытаюсь спрятать лицо от колкой хвои, ощущая, как за шиворот словно из душа льется холодная вода, Пашка стал ломать лапы. Человек был где-то рядом. Слышался треск сучьев под его ногами, тяжелое дыхание.

— Вот дьявол, — громко, но без раздражения уронил он. — Одной рукой не сломать. Знаешь что, ты давай накладывай мне на нее. Так вернее будет. Хорошо! — и он, прижимая рукой лапы к груди, осторожно зашагал к машине.

Пашка пошел следом...

— Теперь должно хватить, — сказал он, когда принесли по четвертой охапке. — Садись за баранку и слушай меня. Значит, так. Сначала дай полный назад и сразу на тормоз, и держи так, пока не скажу. Понял?

Пашка кивнул, забрался в кабину, включил заднюю передачу, дал полный газ и, когда колеса забуксовали, резко нажал на тормоз, громко спросил:

— Ну как?

— Нормально, — послышалось из темно ты. — Держи так. Я сейчас.

Пашка слышал торопливые шаги, кашель, удары по чему-то мягкому — видно, человек ногой вдавливал хвойные лапы под колеса.

— Теперь потихоньку вперед, но не буксуй. Так! Теперь снова назад и на тормоз. Молодец! А теперь дави вперед на всю железку! Давай... давай!

Мотор взревел, и машина через силу, но выкарабкалась на твердую дорогу. Свет фар вернулся на землю.

— А ты говорил! — надсадно дыша, но весело сказал человек, залезая в кабину. Лицо и рука у него были красные и грязные. — Двое — не один. Тут главное — не раскисать. А теперь, друг, жми. Должны успеть.

Едва они тронулись с места, как у горизонта из-за тучи выглянула луна. Свет ее был таинственный и добрый.

— Нет чтоб на полчаса раньше появиться, — проворчал Пашка. — В гостях засиде-

лась, что ли...

— Чай, верно, с подружками сербала. Ишь, улыбается, — проговорил человек, снимая с головы мокрую в грязи шляпу.

За деревней по асфальту машина побежала легко и охотно, жадно и нетерпеливо нащупывая светом фар километровые столбы.

Человек неожиданно глухо застонал, откинулся на спинку сиденья. Пашка надавил на тормоз, испуганно посмотрел на него:

— Вы чего?

Человек торопливо сунул под язык таблетку валидола, немного погодя с извиняющейся улыбкой сказал:

— Двигатель-то у нас в груди не вечный. Он у меня в последнее время перебоя давать начал... Спасибо, карманный медсанбат выручает. А ты давай потихоньку... Давай...

Впереди показалось зарево огней.

Перрон был черный. В лужах отражался свет фонарей. Народу было мало. Дождь кончился.

Стоя в стороне, Пашка видел, как из вагона вылез пожилой мужчина, как они сдержанно обнялись, замерли и стояли так слова ни говоря, пока не объявили отправление.

«Так он что, с нами не поедет? — изумленно подумал Пашка, когда мужчина поднялся на ступеньку вагона. — Он что, проездом? И мы из-за каких-то трех минут столько мучились?»

Пашка повернулся и пошел к машине. Нетерпеливо пофыркивая, она просилась в обратный путь. Сидя в кабине, положив руки на руль и глядя в ветровое стекло, Пашка видел, как человек шел к машине. Что-то изменилось в нем, помолодел, что ли.

— Вот и встретились с другом, — радостно сказал он. — Спасибо тебе, парень. Спасибо!...

— Чего уж там, — пробормотал Пашка?

Небо очистилось от туч, и светили звезды.

Они были тщательно вымыты дождем и весело перемигивались, и их было много, так много, что хватит не на одно поколение хороших людей!

